

ПРЕДИСЛОВИЕ

При обсуждении проблем социально-экономической политики общественные науки рассматривают только один вопрос: способны ли предлагаемые меры достичь результатов, к которым стремятся их авторы, или они ведут к такому положению дел, которое — с точки зрения сторонников этих мер — даже более нежелательно, чем та ситуация, которую намеревались изменить. Экономист не подменяет суждения своих сограждан о желательности конечных целей своим собственным суждением. Он просто задается вопросом: возможно ли достичь целей, преследуемых страной, правительством, группами давления, с помощью методов реально избранных для достижения этих целей.

Разумеется, это весьма неблагоприятная задача. Большинство людей нетерпимы к любой критике разделяемых ими социально-экономических убеждений. Они не понимают, что выдвигаемые возражения касаются только негодных методов и не оспаривают конечных целей, на достижение которых направлены их усилия. Они не готовы признать возможность того, что им будет проще достичь своих целей, если они будут следовать советам экономистов, а не отвергать их с презрением. Они называют врагами нации, расы или группы любого, кто рискнет высказать малейшую критику в адрес их любимых мероприятий.

Этот упертый догматизм влечет за собой весьма пагубные последствия и является одной из коренных причин нынешнего международного положения. Экономист, утверждающий, что установление минимальных ставок заработной платы не является подходящим методом повышения уровня жизни наемных работников, вовсе не является врагом рабочих. Напротив, предлагая более подходящие меры для повышения материального благосостояния наемных работников, он делает максимум, что в его силах, для подлинного улучшения их экономического положения.

Указывая на преимущества, которые каждый получает от функционирования капитализма, экономист не защищает

интересы капиталистов. Экономист, который 30—40 лет назад отстаивал сохранение системы частной собственности и свободного предпринимательства не боролся за эгоистические классовые интересы богачей *того* времени. Он стремился оставить свободными руки тем неизвестным и не имеющим ни гроша своим современникам, обладавшим достаточной изобретательностью, чтобы создать новые отрасли промышленности, которые сегодня обеспечивают жизненный комфорт рядовому человеку. Конечно, многие из этих пионеров промышленных изменений разбогатели на этом. Но они приобрели свое богатство, обеспечивая потребителей автомобилями, самолетами, радиоприемниками, холодильниками, кинофильмами и огромным количеством других менее эффективных, но оттого не менее полезных новшеств. Новые товары, безусловно, не были достижением различных государственных контор и чиновников. Ни одним технологическим нововведением мы не обязаны Советам. Максимум чего сумели добиться русские, это скопировать некоторые усовершенствования, изобретенные капиталистами, которых они не перестают осыпать ругательствами. Человечество не достигло состояния окончательного технологического совершенства. Потенциал дальнейшего прогресса и повышения уровня жизни огромен. Творческий дух и изобретательность никуда не делись, несмотря на все утверждения об обратном. Но их потенциал полностью раскрывается только там, где существует экономическая свобода.

Точно так же если экономист пытается показать, что некая страна (назовем ее Туле) причиняет вред своим насущным интересам при проведении той или иной политики внешней торговли или при том или ином обращении с меньшинствами, обитающими в этой стране, не является врагом Туле или ее народа.

Оскорблять людей, критикующих негодные меры экономической политики и высказывать подозрения по поводу их мотивов, занятие бессмысленное. Это заставит замолчать голос истины, но не сделает неподходящие меры экономического политики подходящими.

Сторонники тоталитарного контроля называют взгляды своих оппонентов негативизмом. Они стремятся представить дело так, будто в то время как они сами требуют улучшения неудовлетворительных условий, остальные собираются позволить злу длиться вечно. Это взгляд на социальные проблемы с позиции узкобюрокраатов. Только с точки зрения бюрократов положительные и благотворные меры могут заключаться единственно в создании новых контор, издании новых декретов и увеличении числа государственных служащих, а все остальное — бездеятельность и пассивность.

Программа экономической свободы не носит негативистский характер. Она имеет вполне положительное содержание: установление и сохранение системы рыночной экономики, основанной на частной собственности на средства производства и свободном предпринимательстве. Она стремится обеспечить свободу конкуренции и суверенитет потребителей. В качестве логического следствия из этих требований подлинные либералы возражают против любых попыток заменить функционирование нестесненной рыночной экономики государственным регулированием. *Laissez faire, laissez passer*^[1] не означает: пусть зло продолжает править бал. Напротив, оно означает: не вмешивайтесь в функционирование рынка, поскольку такое вмешательство неизбежно ограничивает объем производства и делает людей беднее. Кроме того, оно означает: не упраздняйте и не калечьте капиталистическую систему, которая, несмотря на все препятствия, созданные на ее пути правительствами и политиками, привела к беспрецедентному повышению уровня жизни широких масс населения.

В отличие от того, что утверждали немецкие предшественники нацизма свобода не является негативным идеалом. То, как сформулирована концепция — в утвердительной или отрицательной форме, — это все лишь вопрос языка. Фраза «свобода от нужды» эквивалентна выражению «стремление к положению дел, при котором люди лучше обеспечены предметами первой необходимости». «Свобода слова» эквивалентна «положению дел, при котором каждый может сказать то, что хочет».

В основе всех тоталитарных доктрин лежит убеждение, согласно которому правители мудрее и благороднее своих подданных и поэтому лучше знают, что принесет пользу последним, чем они сами. Вернер Зомбарт, бывший на протяжении многих лет фанатичным поборником марксизма, а позднее не менее фанатичным адвокатом нацизма, так прямо и заявил, что вождь нации, фюрер, получает приказы от Бога, верховного Вождя, Фюрера, Вселенной, а пребывание Вождем есть постоянное откровение¹. Тот, кто с этим согласен, разумеется, должен перестать сомневаться в целесообразности всеисилия правительства.

Те, кто не согласны с этим теократическим обоснованием диктатуры, требуют для себя права свободно обсуждать соответствующие проблемы. Они не пишут слово «государство» с заглавной буквы. Они не уклоняются от анализа метафизических понятий гегельянства и марксизма, но сводят всю эту торжественную риторику к простому вопросу: подходят ли предлагаемые меры для достижения преследуемых целей? Отвечая на этот вопрос, они надеются оказать полезную услугу огромному большинству своих сограждан.

Людвиг фон Мизес
Нью-Йорк,
январь 1944 г.

¹ Werner Sombart, *Deutscher Sozialismus* (Charlottenburg, 1934), p. 213. Амер. изд.: Sombart, *A New Social Philosophy*, translated and edited by K. F. Geiser (Princeton, 1937), p. 194.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Я признателен Фонду Рокфеллера и Национальному бюро экономических исследований за предоставление грантов, позволивших мне предпринять данное исследование. Огромную помощь оказали критические замечания и предложения г-на Генри Хэзлита, который также отредактировал всю рукопись. Г-н Артур Гудмен консультировал меня по вопросам английского языка и стилистики. Г-н Юджин Дэвидсон из издательства Йельского университета оказывал мне самую разнообразную помощь. Ответственность за все высказанные мнения, разумеется, целиком и полностью лежит на мне.

ВВЕДЕНИЕ

I

Важнейшим пунктом в планах Германской национал-социалистической рабочей партии стоит завоевание для Германии Lebensraum^[2], т.е. территории настолько обширной и богатой природными ресурсами, чтобы иметь возможность жить в изоляции и иметь уровень жизни не ниже, чем в любой другой стране. Очевидно, что эта программа, представляющая собой вызов и угрозу для всех других народов, не может быть реализована иначе, как при установлении Германией своей гегемонии во всем мире.

Ни социализм, ни тоталитаризм, ни национализм не являются отличительными признаками нацизма. Сегодня во всех странах «прогрессисты» жаждут заменить капитализм социализмом. Пребывая в состоянии войны с германской агрессией, Великобритания и США шаг за шагом перенимают немецкую модель социализма. Общественное мнение обеих стран абсолютно уверено, что во время войны всестороннее государственное регулирование экономики неизбежно, а многие видные политики и миллионы избирателей решительно намерены и после войны сохранить социализм в качестве нового общественного порядка. Ни диктатура, ни насильственное подавление инакомыслящих не являются исключительными чертами нацизма. Они характерны для советской политической системы и в силу этого поддерживаются по всему миру многочисленными друзьями современной России. Национализм, являющийся, как будет показано в этой книге, следствием государственного вмешательства в экономику, в наше время определяет внешнюю политику всех стран. Для нацистов как таковых характерна особая разновидность национализма — стремление к завоеванию жизненного пространства.

Эта цель нацистов в принципе не отличается от целей старых немецких националистов, самая радикальная группа которых в тридцатилетие, предшествовавшее Первой мировой

войне, называла себя *Alldeutsche* (пангерманисты). Именно эти амбиции втравили кайзеровскую Германию в Первую мировую войну, а через 25 лет стали причиной Второй мировой войны.

Программу *Lebensraum* нельзя вывести из идеологии или прецедентов истории Германии последних пяти столетий. Как и у всех других народов, у немцев были свои шовинисты. Шовинизм не следует смешивать с национализмом. Шовинизм заключается в завышенной оценке достоинств и достижений своего народа и пренебрежении к другим народам; сам по себе он не ведет ни к каким действиям. Национализм же представляет собой проект политических и военных действий и попытку его реализации. История Германии, подобно истории других стран, знает правителей, жаждавших завоеваний, но эти императоры, короли и герцоги стремились к богатству и власти для себя и своего рода, а не к жизненному пространству для своих народов. Агрессивный германский национализм — феномен последних 60 лет. Он порожден современной экономикой и экономической политикой.

Не следует смешивать национализм и со стремлением к народному правительству, национальному самоопределению и политической независимости. Когда в XIX в. немецкие либералы стремились вместо тирании 30 с лишним мелких правителей создать единую демократическую Германию, они не вынашивали враждебных замыслов против других народов. Они хотели избавиться от деспотизма и установить парламентское правление. Они не мечтали о завоеваниях и территориальной экспансии и не намеревались включить в состав задуманной ими единой Германии польские и итальянские территории, завоеванные их правителями. Напротив, они сочувствовали стремлению польских и итальянских либералов к созданию независимых демократических государств в Польше и Италии. Немецкие либералы мечтали о повышении благополучия немецкого народа, но не считали, что их народу пойдет на пользу угнетение других народов и причинение вреда иностранцам.

Национализм не тождественен и патриотизму. Патриотизм направлен на обеспечение благоденствия собственного народа, его процветания и свободы. Национализм — лишь

один из методов, предлагаемых для достижения этих целей. Но либералы утверждают, что рекомендуемые национализмом методы непригодны и что их применение не только не приведет к поставленным целям, но, напротив, окажется бедствием для народа. Либералы также являются патриотами, но их представления о величии и правильных способах достижения национального процветания решительно отличаются от того, что предлагают националисты. Либералы рекомендуют режим свободной торговли, международной специализации, сотрудничества и дружбы между народами не из заботы об иностранцах, а ради счастья собственного народа.

Национализм пытается обеспечить благополучие для всего народа или отдельных групп граждан за счет причинения вреда иностранцам. Самый известный метод современного национализма — дискриминация иностранцев в сфере экономики. Иностранные товары не допускаются на рынки страны вовсе или лишь с уплатой таможенных пошлин. Иностранцам запрещено выступать в качестве конкурентов на отечественном рынке труда. Иностранный капитал подлежит конфискации. Если обиженная сторона чувствует себя в силах с помощью оружия добиться отмены мер, вредящих ее собственному благополучию, война станет естественным результатом экономического национализма. Государственная политика образует единое целое.

Внешняя и внутренняя политика тесно связаны между собой, они влияют друг на друга и образуют единую систему. Точно так же как свободная торговля была дополнением режима внутренней экономической свободы, экономический национализм является следствием современной внутренней политики вмешательства в экономику и государственного планирования. Внутренняя экономическая свобода может сочетаться с протекционизмом, но в ее отсутствие протекционизм неизбежен. Власть правительства ограничена территорией страны. У него нет возможности напрямую влиять на ситуацию в других странах. В условиях экономической свободы иностранная конкуренция может, пусть даже на короткий срок, помешать успеху государственного вмешательства в дела отечественных предприятий. Если внутренний рынок

до известной степени не изолирован от иностранных рынков, ни о каком государственном регулировании не может идти речи. Чем дальше страна зашла по пути государственного регулирования и регламентации, тем ближе она к экономической изоляции. Международное разделение труда начинает вызывать подозрения, поскольку ограничивает полноту власти правительства. Тогда внутренняя экономическая политика тяготеет к автаркии; таков результат стремления к главенству государства в экономических вопросах.

В мире свободной торговли и демократии нет стимулов для войн и завоеваний. В таком мире не имеет значения обширность территории, на которую распространяется государственный суверенитет. Граждане такой страны не получают никаких выгод от присоединения соседних территорий. Благодаря этому территориальные конфликты могут рассматриваться беспристрастно; можно без особых душевных терзаний проявить справедливость по отношению к требованиям других народов о самоопределении. В условиях свободной торговли Великобритания щедро предоставляла своим заморским колониям статус доминионов, т.е. фактической автономии и политической независимости, и уступила Ионийские острова Греции. Швеция не прибегла к военной силе, чтобы предотвратить отделение Норвегии; королевский дом Бернадоттов утратил норвежскую корону, но рядовым гражданам Швеции было безразлично, является ли их король также и сувереном Норвегии. В эпоху либерализма люди верили, что плебисциты и решения международного трибунала способны мирно разрешать все международные конфликты. Считалось, что еще предстоят отдельные войны и революции, потому что необходимо сокрушить последних тиранов и разрушить сохранившиеся торговые барьеры. Но когда эта цель будет достигнута, причины для войн исчезнут. Человечество сможет направить все силы на повышение всеобщего благосостояния.

Но, предаваясь описанию благоденствия в мире либеральной утопии, филантропы не заметили усиления новых идеологий, приготовившихся вытеснить либерализм и утвердить новый порядок, чреватый антагонизмами, для

которых не удастся найти мирного решения. Они не увидели этого, потому что рассматривали новые умонастроения и политический курс как продолжение и воплощение основных принципов либерализма. Антилиберализм завладел общественным мнением под личиной истинного и подлинного либерализма. Сегодня псевдолибералы поддерживают программы, совершенно несовместимые с принципами и доктринами старого либерализма. Они поносят частную собственность на средства производства и рыночную экономику, восторгаясь тоталитарными методами управления экономикой. Они требуют создания всемогущего государства и прославляют любые меры, усиливающие власть чиновничества и правительственных агентств. Они объявляют реакционером и экономическим роялистом каждого, кто не разделяет их страсть к регламентации.

Самозванные либералы и прогрессисты искренне убеждены, что являются истинными демократами. Но их представление о демократии совершенно противоположно тому, которое существовало в XIX в. Путая демократию с социализмом, они не только не видят того, что демократия и социализм несовместимы, но еще и верят, что социализм — это и есть подлинная демократия. Из-за этой ошибки они рассматривают Советскую власть как разновидность народного правления.

Европейские правительства и парламенты уже более 60 лет стремятся стреножить рынок, установить контроль над экономикой и подавить капитализм. Беспечно игнорируя все предупреждения экономистов, они возвели торговые барьеры, поощряли политику кредитной экспансии и дешевых денег и взяли курс на возобновление политики регулирования цен, установления минимума заработной платы и субсидирование отдельных отраслей и предприятий. Они превратили налогообложение в инструмент конфискации и экспроприации и провозгласили безудержные государственные расходы лучшим способом увеличения богатства и повышения благосостояния. Но когда неизбежные последствия такой политики, изначально предсказанные экономистами, стали очевидными, общественное мнение обвинило в этом не свою излюбленную политику, а капитализм.

В глазах публики главной причиной экономической депрессии, безработицы, инфляции и роста цен, монополизма и пустой растраты ресурсов, социальных волнений и войны является не антикапиталистическая политика, а капитализм.

Роковой ошибкой, которая сорвала все планы сохранения мира, было именно непонимание людьми того, что только в мире чистого, совершенного и нестесненного капитализма отсутствуют стимулы для агрессии и завоевания. Президент Вильсон руководствовался идеей, что к войне склонны лишь самодержавные режимы, а демократии, не имея возможности извлечь какие-либо выгоды из завоеваний, склонны к миру. Президент Вильсон и другие основатели Лиги Наций не поняли того, что эта идея верна только при условии частной собственности на средства производства, свободного предпринимательства и нестесненной рыночной экономики. Где нет экономической свободы, там все совершенно иначе. В современном мире этатизма^{1, [3]}, где каждый народ стремится к изоляции и автаркии, нельзя утверждать, что человек не получает никакой выгоды от завоевания. В наше время торговых и миграционных барьеров, валютного контроля и экспроприации иностранного капитала война и завоевания могут доставить массу выгод. Почти каждый гражданин кровно заинтересован в противодействии политике иностранных государств, которая может ущемить его материальный интерес. Поэтому нет ничего удивительного в том, что почти каждый гражданин хочет видеть свою страну сильной и могущественной: он рассчитывает получить выгоду от ее военной мощи. Расширение территории, на которую распространяется суверенитет его правительства, означает по меньшей мере, что иностранные правительства больше не смогут причинять ему ущерб.

Мы можем на мгновение отвлечься от вопроса, способна ли демократия выжить при социализме или в условиях систематического вмешательства государства в экономику.

¹ Термин *etatism* (от франц. *état* — государство) кажется мне более удачным, чем *statism* (от англ. *state* — государство. — Прим. перев.). Он ясно выражает тот факт, что идеология этатизма возникла не в англосаксонском мире и была усвоена им только позднее.

В любом случае не подлежит сомнению, что в условиях этатизма рядовые граждане делаются агрессивными, когда обстоятельства сулят военный успех. Малые народы не в силах защитить себя от экономического национализма других народов. Но большие народы верят в несокрушимость своих вооруженных сил. В наши дни воинственность не является следствием алчности правителей или олигархии крупных землевладельцев; она есть результат политики групп давления, отличительная черта которой не стимулы и мотивы, а используемые методы. Сражаясь против экономического национализма других народов, немецкие, итальянские и японские рабочие стремятся к повышению своего уровня жизни. Однако они глубоко заблуждаются: избранные методы не годятся для достижения их целей. Но их ошибки согласуются с широко распространенными в наши дни доктринами классовой войны и социальной революции. Империализм стран Оси^[4] не является политикой, вырастающей из целей высшего класса. Пользуясь ложной концепцией вульгарного марксизма, следовало бы назвать ее рабочим империализмом. Перефразируя знаменитое высказывание генерала Клаузевица, можно сказать: это всего лишь продолжение внутренней политики иными средствами; это внутренняя классовая война, перенесенная в сферу международных отношений.

Более 60 лет европейские народы стремились наделить свои правительства все большей властью, расширить сферу государственного сдерживания и принуждения, подчинить государству все виды человеческой деятельности. При этом пацифисты не уставали повторять, что отдельному гражданину нет дела до того, велика его страна или мала, слаба или могущественна. Они превозносили блага мира, тогда как миллионы людей по всей земле связывали свои надежды с агрессией и завоеванием. Пацифисты не понимали, что обеспечить прочный мир можно лишь устранив основные причины войны. Нужно признать, что пацифисты делали робкие попытки противостоять экономическому национализму. Но они никогда не атаковали его конечную причину — этатизм (политику государственного регулирования экономики), а потому все их попытки были обречены на провал.

Конечная цель пацифистов состоит в создании надгосударственной всемирной организации, которая сможет мирно разрешать конфликты между народами и проводить свои решения в жизнь с помощью надгосударственных сил безопасности. Но для удовлетворительного решения самой острой проблемы международных отношений требуется не новая организация со своими комитетами, секретарями, спецуполномоченными, отчетами и нормативами, не новые вооруженные силы миротворцев, а радикальный отказ от умонастроений и внутренней политики, порождающих конфликты. Причиной прискорбного провала женеvского эксперимента^[5] как раз и была неспособность людей, зараженных бюрократической верой в этатизм, понять, что организации и клерки не в силах решить ни одной проблемы. Существование надгосударственных властных структур и международного парламента имеет второстепенное значение. Самое главное, необходимо отказаться от политического курса, причиняющего ущерб другим народам. Если экономические войны будут продолжаться, никакая международная власть не сможет обеспечить мир. В современную эпоху международного разделения труда свобода торговли является необходимым условием любых дружественных соглашений между народами. А в мире этатизма свобода торговли невозможна.

Диктаторы предлагают нам иное решение. Они планируют установить «новый порядок», систему мировой гегемонии одного народа или группы народов, опирающихся на силу победоносных армий. Немногие привилегированные будут господствовать над огромным большинством «низших» рас. Этот «новый порядок» представляет собой очень старую концепцию. К нему стремились все завоеватели; предшественниками фюрера были Чингисхан и Наполеон. История свидетельствует о провале множества попыток навязать мир с помощью войны, сотрудничество — методами насилия, единодушие — уничтожением несогласных. Гитлер преуспел не более, чем остальные. Утвердить прочный мир при помощи штыков невозможно. Меньшинство не может править без согласия тех, кем оно управляет; даже в случае временногo успеха рано или поздно восстание угнетенных опрокинет

такую власть. Но у нацистов нет шансов и на кратковременный успех. Их замысел обречен.

II

В фокусе нынешнего кризиса цивилизации находится Германия. Более половины столетия Рейх был нарушителем мира. В течение 30 лет перед Первой мировой войной главной заботой европейской дипломатии было сдерживание Германии с помощью всевозможных планов и уловок. Если бы не воинственность Германии, то ни имперские притязания царей, ни конфликты и соперничество различных народов Юго-Восточной Европы не смогли бы серьезно нарушить спокойствие в мире. Когда в 1914 г. политика умиротворения провалилась, проснулись силы ада.

Плоды добытой союзниками победы были утрачены из-за просчетов мирных договоров, ошибок послевоенной политики и господства экономического национализма. В сумятице послевоенного времени, когда каждый народ стремился нанести как можно более ощутимый ущерб другим народам, у Германии были все возможности подготовиться к еще более чудовищной агрессии. Но для нацистов ни Италия, ни Япония не являются равными партнерами. Новая война — это немецкая война, каковой была и Первая мировая.

Без понимания основных фактов истории Германии невозможно постичь фундаментальные проблемы этой самой страшной из войн в истории человечества. Сто лет назад немцы были совсем не такими, как сегодня. В то время у них не было планов превзойти гуннов^[6] и затмить Аттилу. Их кумирами были Шиллер и Гёте, Гердер и Кант, Моцарт и Бетховен. Их путеводной звездой была свобода, а не завоевание и подавление. Каждый, кто хочет сформировать собственное представление о современной мировой политике и ее проблемах, должен знать стадии процесса, превратившего народ, некогда называемый народом поэтов и мыслителей, в безжалостную банду нацистских штурмовиков. Понимание источников и целей нацистской агрессии имеет чрезвычайную важность как для ведения войны, так и для формирования

устойчивого послевоенного порядка. Возможно, более полное и отчетливое уяснение сущности и сил немецкого национализма позволило бы избежать многих ошибок и жертв.

Задача данной книги в том, чтобы обрисовать основные изменения и события, приведшие к современному положению дел в Германии и в Европе. Я стремлюсь прояснить распространенные заблуждения, возникшие в результате искажения исторических фактов и неверного понимания экономического развития и политики. В этой книге затрагиваются как исторические вопросы, так и фундаментальные проблемы социологии и экономики. Я попытался осветить все точки зрения, разъяснение которых необходимо для полного описания мировых проблем нацизма.

III

В истории последних двух столетий прослеживаются два различных идеологических направления. Первым было движение к свободе, укреплению прав человека и гарантиям самоопределения. Индивидуализм привел к падению монархических режимов, установлению демократических правительств, развитию капитализма, технологическому прогрессу и беспрецедентному повышению уровня жизни. Просвещение сменило религиозные суеверия, научные методы исследований вытеснили вековые предрассудки. Это была эпоха грандиозных художественных и научных достижений, время бессмертных музыкантов, художников, писателей и философов. Были уничтожены рабство, крепостное право, пытки и прочие пережитки Средневековья.

Во второй половине этого периода движение к индивидуализму сменилось движением к всемогуществу государства. Теперь людьми овладело стремление наделить всевозможными полномочиями свои правительства, т.е. общественный аппарат социального сдерживания и принуждения. Их целью стал тоталитаризм, т.е. такой порядок, когда всеми делами людей управляет государство. Каждый шаг на пути расширения государственного вмешательства превозносился как шаг к более совершенному миру; возникла уверенность, что

правительства превратят землю в райское место. Характерно, что сегодня в странах, особенно далеко зашедших по пути тоталитаризма, даже организация личного досуга считается делом государства. В Италии *dopolavoro*^[7], а в Германии *Freizeitgestaltung*^[8] являются законной сферой государственного вмешательства. Люди настолько запутались в доктринах культа государства, что даже не замечают этого парадокса — государственное регулирование личного времени.

В задачу этой книги не входит рассмотрение *культа государства*, или *этатизма*. В ней исследуются только последствия этатизма для международных отношений. В нашу эпоху международного разделения труда тоталитаризм, ограниченный национальными границами, внутренне противоречив. Экономические соображения толкают любое тоталитарное правительство к мировому господству. Советское правительство было задумано не как национальное, а как мировое правительство, и только неблагоприятные условия отдалили установление его власти над всем миром. В официальном названии режима нет даже упоминания о России. Ленин создавал ядро мирового правительства. Во всех странах есть партии, хранящие верность Советам и считающие свои национальные правительства узурпаторами. И не заслуга большевиков, что эти амбициозные планы до сих пор не реализованы и ожидаемая мировая революция еще не свершилась. Нацисты не стали менять официальное название своей страны — Германский рейх^[9]. Но их идеологи считают власти рейха единственным законным правительством, а их политические вожаки открыто рвутся к мировому господству. Интеллектуальные вожди Японии прониклись духом этатизма в европейских университетах, а вернувшись домой, оживили древнюю догму, что их божественный император, сын Неба, предназначен править всеми народами. Даже дуче, несмотря на военное бессилие его страны, объявил о намерении восстановить древнюю Римскую империю. Испанские фалангисты^[10] лепечут о восстановлении владений Филиппа II.

В такой атмосфере места для мирного сотрудничества между народами не остается. Суровое испытание, выпавшее

в наши дни на долю человечества, — это не результат действия неуправляемых сил природы. Скорее, это закономерный результат популярных доктрин и политики, поддерживаемой миллионами наших современников.

Но было бы роковой ошибкой полагать, что возврат к политике либерализма, несколько десятилетий назад отброшенной цивилизованными народами, позволит исцелиться от этих наваждений и откроет дорогу к мирному сотрудничеству народов и процветанию. Если бы европейцы и расселившиеся по всему миру выходцы из Европы не прониклись идеалами этатизма, если бы они не реализовали грандиозные планы государственного вмешательства в экономику, недавних политических, социальных и экономических бедствий можно было бы избежать. И сегодня люди жили бы в более удовлетворительных условиях и не отдавали бы все свои силы и способности взаимному уничтожению. Но годы конфликтов и антагонизмов оставили глубокий след в умонастройении людей, который не так легко изжить. Были затронуты души, разрушен дух сотрудничества, посеяна ненависть, и на преодоление всего этого потребуются столетия. В нынешних условиях принятие цивилизованными народами Запада бескомпромиссной политики *laissez faire, laissez passer* было бы эквивалентно безоговорочной капитуляции перед тоталитарными народами. Возьмите, к примеру, миграционные барьеры. Сегодня неограниченная свобода иммиграции в Америку, Австралию и Западную Европу равносильна распахнутым дверям перед авангардом армий Германии, Италии и Японии.

На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надежную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма^[11]. При всей шаткости подобных упований можно надеяться, что народы западных демократических стран будут готовы признать этот факт и отвергнуть сегодняшние тоталитарные тенденции. Но не может быть сомнений, что для подавляющего большинства человечества идеи милитаризма обладают куда большей привлекательностью, чем либеральные идеалы. В ближайшем будущем можно надеяться самое большее на разделение мира на два лагеря: либеральный, демократический

и капиталистический Запад, где живет примерно четверть мирового населения, и милитаристский и тоталитарный Восток, охватывающий куда большую часть земной поверхности и населения. Такое положение вещей навязывает Западу политику обороны, которая серьезно затруднит усилия сделать жизнь более цивилизованной и процветающей.

Однако даже эта мрачная перспектива может оказаться чрезмерно оптимистичной. Не видно признаков того, что народы Запада готовы отказаться от политики этатизма. Но в таком случае они не смогут отказаться от взаимной экономической войны, от экономического национализма и не смогут установить мирные отношения между своими странами. Тогда мы вновь окажемся в ситуации, с которой мир однажды уже не справился в период между двумя мировыми войнами. Результатом станет третья война, еще более ужасная и разрушительная, чем предшествовавшие. Последняя часть книги посвящена обсуждению условий, которые могут обеспечить западным демократиям хотя бы относительную политическую и экономическую безопасность. Там я также пытаюсь выяснить, можно ли разработать некий план, который бы обеспечил прочный мир в нашу эпоху всемогущества государства.

IV

Главным препятствием для беспристрастного изучения современных социальных, политических и экономических проблем, а также для всех попыток выдвинуть более приемлемую политику, чем та, которая привела к нынешнему кризису цивилизации, является упертый, бескомпромиссный догматизм нашего времени. Народы охвачены новой разновидностью идолопоклонства — культом государства. Люди требуют наказаний и принуждения, грозят бедами и насилием каждому, кто не преклоняет колени перед новомодными идолами!

Это совершенно бесспорно в отношении сегодняшних России и Германии. Можно назвать русских и немцев варварами и заявить, что такого не может случиться с цивилизованными народами Запада, но это не изменит положение

вещей. На Западе осталась лишь горстка сторонников терпимости. И левые, и правые партии повсеместно относятся к свободе мысли с чрезвычайной подозрительностью. Весьма характерно, что в эти годы отчаянной борьбы против нацистской агрессии известный своими просоветскими настроениями британский автор имеет дерзость доказывать полезность инквизиции. «Инквизиция, — пишет Дж. Кроутер, — полезна для науки, когда защищает интересы поднимавшегося класса»². Ибо «опасность или достоинство инквизиции зависят от того, используется ли она от имени реакционного или прогрессивного правящего класса»³. Но кто «прогрессивен», а кто «реакционен»? Относительно этого вопроса между Гарольдом Ласки и Альфредом Розенбергом есть примечательная разница.

Конечно, за пределами России и Германии инакомыслящие пока что не рискуют быть осужденными на расстрел или медленную смерть в концентрационном лагере⁴. Но мало кто обращает серьезное внимание на их идеи. Если человек пытается оспорить доктрину этатизма или национализма, вряд ли кто-либо возьмется за тщательное изучение его аргументов. Еретиков высмеивают, оскорбляют, игнорируют. Критика взглядов влиятельных групп или сомнения в благоговорности государственного всевластия стали восприниматься как нахальство или дурной тон. Набор догм, усвоенных

² Crowther, *Social Relations of Science* (London, 1941), p. 333.

³ *Idem*, p. 331.

⁴ Фашизм также представляет собой крайне жестокую тоталитарную систему. Но пока еще сохраняются небольшие различия между фашизмом, с одной стороны, и нацизмом и большевизмом — с другой. Философ и историк Бенедетто Кроче живет в Неаполе под пристальным надзором полиции, но ему разрешается писать, и он опубликовал несколько книг, исполненных духа демократии и любви к свободе. Профессор Антонио Грациадеи, коммунист и бывший член итальянского парламента, упорно хранит верность своим коммунистическим идеям. При этом он живет в Италии, пишет и публикует (в самых известных издательствах Италии) ортодоксальные марксистские работы. Есть и другие примеры такого рода. Эти исключительные факты не изменяют характерных черт фашизма, но историк не имеет права их игнорировать.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru